

Присущие его натуре качества: несуетность, абсолютная преданность музыкальному искусству, сосредоточенность на любимом деле, принципиальность, мудрая сдержанность всегда меня восхищали. Евгений Владимирович — один из немногих известных мне теоретиков, владеющий несколькими музыкальными инструментами: он играет на рояле, контрабасе, кларнете, а про его игру на баяне я даже сочинил двустихие: «Какое обаяние — играю на баяне я».

Некоторым может показаться, что Назайкинский — сугубо академический ученый. Но надо слышать, как интересно и захватывающе он говорит о музыке в самых разных аудиториях! Еще в 1960-х годах мы принимали участие в семинаре «Акустические среды» в Лаборатории музыкальной акустики Московской консерватории, на который собирались молодые музыканты, математики, физики, литераторы, художники, лингвисты. За три года на семинарах было сделано более 50 докладов! В 1994 году мы возобновили эти собрания. Кроме того, Евгений Владимирович — автор многих популярных статей, среди которых — «Испанские увертюры Глинки».

Спектр интересов Назайкинского-ученого, исследователя чрезвычайно широк. Это музыковедение, психология, цветомузыка, вопросы методологии, эстетика... Во всей своей деятельности он связан с другими науками и видами искусства; в работах цитирует отрывки из литературных произведений Тургенева, Горького, в которых говорится о музыке (ну, скажем, — тургеньевские «Певцы»)... Он — автор огромного числа фундаментальных работ по проблемам теории и музыки, музыкальной акустики и психологии, и его работы нельзя назвать сугубо научными (хотя, безусловно, это высокая наука), а все они абсолютно музы-

Евгений Назайкинский

12 августа исполнилось 70 лет доктору искусствоведения, профессору Московской государственной консерватории Евгению Владимировичу Назайкинскому.

кальны! Сам Назайкинский говорит, что в исследовании художественного творчества сухой анализ «не срабатывает».

Широкий резонанс вызвала его книга «О психологии музыкального восприятия». Это одна из первых работ, в которой учитывается фактор субъекта, воспринимающего музыку. В центр этой своей работы Назайкинский ставит *творческую личность*. Вслед за Б.М. Тепловым, Назайкинский вносит новые понятия в предмет психологии.

Основная линия жизни и творчества Евгения Владимировича Назайкинского — единство Науки и Искусства. Наше музыковедение в основе своей апеллирует к композиторскому творчеству, а труды Назайкинского и его единомышленников кроме того направлены и к исполнителям, и к слушателям. Изучая проблемы восприятия, Назайкинский пытается понять, что такое художественные музыкальные эмоции. Их невозможно измерить никакими приборами, потому что они комплексны: зрительный, слуховой образ, вдохновение. Эти эмоции, в отличие от обыденных, эстетизированы, облагорожены, составляют часть творимого художником мира высокой духовности.

Сегодня можно сказать, что профессор Назайкинский является создателем Школы. Его ученики не только повторяют своего учителя, но, входя в открытые им двери, они начинают развивать его идеи, применяя новые технические достижения: компьютеры, электронные музыкальные инструменты, до которых сам Евгений Владимирович не доберется, потому что охвачен уже новыми идеями, замыслами. Назайкинский впитал все, что получил от своих предшественников, учителей, старших коллег — Н. Гарбузова, С. Скребова, О. Агаркова, Ю. Тюлина, А. Мутли, С. Григорьева. Известна работа В. Асафьева «Слух Глинки». А Назайкинский написал работу «Слух Асафьева», после чего пошутил: «Может, когда-нибудь кто-то напишет «Слух Назайкинского»».

Огромным вкладом в науку являются многие работы Назайкинского — а их свыше 60, в том числе книга «Логика музыкаль-

ной композиции» (М., 1982), где он вскрывает многоуровневую структуру музыкальной композиции, и книга «Звуковой мир музыки» (М., 1988), блестящие статьи «Понятия и термины в теории музыки» (в кн. «Методологические проблемы музыковедения», М., 1987) и «Термины, понятия, метафоры» («СМ» 1984, № 10). В настоящее время в печати находятся сразу несколько его трудов: «Неоднородность времени в музыкальном произведении», «Двоичность и троичность как категории музыкального анализа» (на немецком языке), «Проблемы стиливого и стилистического анализа», «Музыка и экология», «Аналогия, гипотеза, инверсия как компоненты целостного анализа музыкальных произведений» — только перечень заголовков говорит о широте интересов и кругозоре ученого.

Евгений Владимирович не любит высокопарных слов. Он просто делает свое дело. Работает бесконечно много, в любых условиях: в электричке, в самолете, на пляже. Где бы ни пришли к нему мысли (а они посещают его постоянно и в огромном количестве), он их тут же фиксирует. Он необычайно творчески активен во всем. Когда он переехал в новую квартиру, то не стал заставлять ее универсальной мебелью, а почти все смастерил сам: особый письменный стол, где есть место и для картотеки, и всякие ящички-«секреты», а над пианино висит им сконструированная и самим выполненная этажерка с вращающимися секциями — и все это удобно и эстетично. Комфорт не ради комфорта, а максимально удобно для работы.

Е. Назайкинский нетороплив в высказывании оценок, но когда скажет, то всегда снайперски точно и очень глубоко. К трудностям относится спокойно и оптимистично. Одна из любимых его фраз — «Ну, не так уж страшно!». И его уверенность в том, что хаос — преходящ, а будущее за гармонией и нравственностью — всеядностью и в нас, его современников, учеников, коллег и благодарных попутчиков.